

М.В. Осипова*

К ВОПРОСУ О НАЛИЧИИ ПИСЬМЕННОСТИ
У ДРЕВНИХ АЙНОВ

Вопрос наличия письменности у айнов, жителей о. Хоккайдо, а в прошлом – Курильских островов и Сахалина, вот уже два с половиной столетия обсуждается в научных кругах. Айнский язык отнесен к группе бесписьменных языков, а первые записи слов и фольклорных образцов на этом языке были сделаны кириллицей и латиницей. В настоящее время для записи айнских слов используется графическая форма японской слоговой азбуки катакана. Тем не менее, время от времени в журналах и интернете появляются статьи, в которых утверждается, что письменность у древних айнов была. Цель данной статьи – путем анализа имеющихся по этому поводу гипотез, выдвинутых в прошлом, а также обращения к новым данным и научным исследованиям, попытаться представить новый взгляд на рассматриваемую проблему.

Ключевые слова: айны, айнский язык, пиктография, письменность

To the question whether or not the ancient Ainu had a writing system.
MARINA V. OSIPOVA (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences)

The question about the writing system of the Ainu, the indigenous inhabitants of Hokkaido and in the past of the Kuril Islands and Sakhalin, has been discussed in academia for two and a half centuries. The Ainu language was assigned to the group of non-written languages, and the first records of its words and folklore samples were made in Cyrillic and Latin. Currently, the graphic form of the Japanese katakana is used to write Ainu words. Nevertheless, from time to time articles appear in magazines and on the Internet that claim that the ancient Ainu had a writing system. This article attempts to present a new view of this problem by analyzing the hypotheses that were generated in the past, as well as new data and the results of modern research.

Keywords: Ainu people, Ainu language, pictography, writing system

Вопросы, касающиеся айнского языка и айнской письменности, волнуют ученых уже два с половиной столетия. Сегодня во всех справочных изданиях, где речь идет об айнском языке, указывается, что это изолированный бесписьменный язык. Первые записи слов и текстов на айнском языке были сделаны латиницей

(И. де Анжелис) и кириллицей (С.П. Крашенинников). Позже, когда на земле айнов появились миссионеры, путешественники и исследователи, записи образцов айнской речи и лингвистические исследования с примерами из айнского языка публиковались на том языке, на котором говорили люди, их изучавшие – на

* ОСИПОВА Марина Викторовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии Сибири Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН.

E-mail: ainu07@mail.ru

© Осипова М.В., 2022

английском (Дж. Бэчелор, У. Денинг, Б.Х. Чемберлен, К. Эттер и др.), французском (Э.Э. Марме де Кашон, Х. де Шаренси, Т. де Лакупери и др.), на немецком (Ф.А. Пфицмаер, Ю. Клапрот, Г. Титтель и др.), на русском (М.М. Добротворский, Б.О. Пилсудский, Н.А. Невский), на японском (С. Цубои, К. Киндайти, М. Тири, С. Хаттори и др.). Многие из перечисленных ученых пытались найти ответы на вопросы об истоках этого языка и о том, к какой языковой семье его следует отнести, о наличии или отсутствии письменности у этого народа в древности. Поиски ответов на эти вопросы продолжаются и до сих пор.

В конце XX – начале XXI в. в отечественных журналах, популяризирующих культуру айнов, стали появляться статьи о существовании в глубокой древности айнской письменности. В качестве доказательств ее наличия приводились петроглифы пещер Тэмия и Фугоппэ на Хоккайдо и камней Итурупа, а также пиктограммы на таком ритуальном предмете, как икуниси/икупасуй, и домашней утвари. И если ранее выдвигались лишь гипотезы, то в настоящее время звучат уже безапелляционные заявления о наличии в древности айнской письменности. В связи с этим цель данной статьи – путем анализа имеющихся по этому поводу гипотез, выдвинутых учеными в прошлом, а также исследований и данных, которые появились уже сегодня, попытаться ответить на вопрос о том, имелась ли в действительности письменность у айнов и по каким причинам она могла исчезнуть в исторические времена.

В айноведении с конца XIX в. утвердилась мысль о том, что айнский язык – бесписьменный, на что прямо указывали более 40 лет проживший с айнами преподобный Дж. Бэчелор, доктора Б. Шойбе и Ф. фон Зибольд: «Сами айны письменности не знают» [18, р. 265; 29, р. 231]. В доказательство приводились факты отсутствия в языке айнов собственных слов для обозначения таких предметов, как бумага, ручка, чернила. Дж. Бэчелор писал, что даже слово «книга» в айнском языке японского происхождения. Тем не менее, и миссионер Дж. Бэчелор, и лингвист Б.Х. Чемберлен в разных вариациях сюжета записали легенду, повествующую о наличии у айнов священной книги, по которой они учились чтению и письму. Однако, согласно этому тексту, книга была украдена японским самураем Минамото-но Ёсидзунэ и с тех пор айны свою письменность потеряли. Но сюжет

этой легенды был явно заимствован из более ранних по происхождению японских сказаний и, по мнению Дж. Бэчелора, был призван объяснить причину отсутствия у айнов письменности [12, с. 201–203; 18, р. 265–268; 21, р. 51–53]. Здесь могут возникнуть возражения, так как в записанном Н.А. Невским на Хоккайдо предании о божествах (ойна) есть следующие строки: «Из Страны Верхней / письма приходят, / и сестра моя, / просмотревши, / ответные письма написав, / отправляет» (Архив Института восточных рукописей РАН. Ф. 69. Оп. 2. Д. 11. Л. 2). Употребленные рассказчиком в айнском тексте слова «камп(б)и», «камп(б)и-нуйе» означают «бумага» и «писать» (по Бэчелору, Добротворскому), но в то же время у М.М. Добротворского помечено: «камби – бумага (от яп. kami)» [4, с. 114]. И если учесть, что уже к середине XIX в. айны знали, что такое бумага и как на ней писать, а запись этой ойна была осуществлена в 1920-е гг., когда айны учились в школах и первичные знания о письменности получили, то сведения из сказания в качестве доказательств наличия письменности приняты быть не могут. Путешествовавший по о. Сахалину французский корреспондент П.А. Лаббэ указал на схожий сюжет легенды айнов Сахалина, где в качестве вора назван японский бог (без указания имени), укравший айнскую грамматику и письменный язык [6, с. 258]. Идентичные легенды рассказывались соседствующими тунгусо-маньчжурами и нивхами, чьи языки тоже были бесписьменными.

Долгое время предположения о наличии у айнов письменности строились на изображениях из пещер Тэмия и Фугоппэ (Рис. 1, 2). О петроглифах Тэмия и Фугоппэ с момента их открытия (Тэмия – в 1866 г., Фугоппэ – впервые в 1927 г., затем повторно в 1950 г.) высказывалось немало предположений относительно того, что их можно рассматривать как протописьменность айнов.

Надписи Тэмия, согласно описанию, данному Дж. Милном, представляли собой изображения, процарапанные или прорезанные острым предметом на стене из белого туфа. Милн привел бытовавшие по поводу этих изображений мнения. Некоторые знаки ему самому напоминали «рунические» письмена. Например, «руническое», по его мнению, «т» казалось нарисованной птицей. Французский археолог Г.Э. Дюмутье, изучив присланный капитаном французской военной миссии в Японии А. Ле-

Рис. 1. Петроглифы пещеры Фугоппэ

февром и опубликованный в журнале «L’Ethnographie» рисунок надписей Тэмия, нашел их неоспоримое сходство с китайскими иероглифами и предположил, что «первобытное население этого региона понимало китайские иероглифы» на том основании, что существовавший между соседствующими территориями товарообмен способствовал ознакомлению с письмом соседей [22, р. 149–152]. Кому-то казалось, что это могли быть рисунки жреческих знаков отличия, иным эти пиктограммы напоминали фаллические изображения, а кому-то – изображения людей и животных. Высказывалось даже предположение, что это дело рук некоего человека, желавшего привести в замешательство археологов. Сам Милн считал, что эти рисунки могли принадлежать древним айнам, оставившим многочисленные следы своего пребывания в виде раковинных куч и различных инструментов [26, р. 64–65]. Японский зоолог Ватасэ Сёдзабуро связал их авторство с древними жителями коропок-гуру [2, р. 10].

Обнаруженные первоначально в 1927 г. и открытые вторично в 1950 г. изображения на скале, представляющей собой твердую магматическую породу гиалокластит в пещере

Рис. 2. Петроглифы Тэмия

Фугоппэ, были выполнены в технике абразивного истирания, частично выдалбливания и нарезки, и сначала показались исследователям естественными трещинами, но позже ученые убедились, что это творения рук человека. Петроглифы Фугоппэ напоминали фигурки Тэмия, поэтому было высказано предположение, что их могли оставить представители одной и той же группы людей [27, р. 46, 52]. Как в случае с петроглифами Тэмия, недостатка мнений относительно их происхождения и значения не было. Но несмотря на разброс мнений относительно изображений Тэмия и Фугоппэ, в работах ученых речь шла о надписях, ритуальных символах, образцах первобытного искусства и т.д. Однако археологи совершенно определенно говорили об этих петроглифах как об «очень схематичных» антропоморфных (Тэмия) или же антропоморфных и зооморфных (Фугоппэ) изображениях раннего и начала среднего дзёмона [27, р. 47; 28, р. 34–37]. Современная аппаратура, наконец, позволила японским исследователям путем фотограмметрического метода (бесконтактные трехмерные измерения объекта по его фотоизображению) увидеть действительно антропоморфные изображения, предположительно с рогами на голове [31, р. 235–236]. О каких-либо пиктографических знаках, напоминающих письменность, речь уже не идет.

Практически одновременно с петроглифами Фугоппэ на острове Итуруп в 1948 г. геолог Г.М. Власов в кальдере вулкана Богдан Хмельницкий обнаружил камни с «исчерканностью» (Рис. 3, 4), которые, как и в случае с изображениями Фугоппэ, вначале приняли за естественные трещины в камнях. Однако вскоре пришло понимание того, что эти царапины сделаны рукой человека, и Власов пришел к выводу, что это – «примитивные письмена», опубликовав статью на эту тему [3, с. 371–372].

Это открытие не могло не заинтересовать выдающегося отечественного ученого, основателя российской школы майянистики, исследователя протоиндийского письма и письма ронго-ронго (о. Пасхи) Ю.В. Кнорозова. В 1979 г. организуется первая экспедиция Музея антропологии и этнографии на остров (всего их будет девять), в результате которой было обнаружено множество камней с надписями (Научный архив Музея антропологии и этнографии РАН, далее – НА МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 1286. Л. 33–36). Являясь создателем отечественной школы этносемиотики, Ю.В. Кнорозов попытался

расшифровать увиденные изображения. В результате его изысканий увидели свет две статьи с одноименным названием «Пиктографические надписи айнов», написанные в соавторстве с другими исследователями [7; 8]. В них ученый подробно изложил свой взгляд на пиктографию айнов. Он отмечал, что пиктограммы на каменных плитах сходны с пиктографическими знаками на ритуальных предметах айнов икуниси/икупасуй и инау, а также знаками собственности на домашней утвари.

Если рассматривать вопрос о пиктограммах или знаках собственности (камуи итокпа, сириси) на икуниси/икупасуй, инау и домашней утвари, то следует отметить, что статьи на эту тему появились прежде всего в зарубежных научных журналах. Одним из первых, кто обратил внимание на эти знаки, был археолог Г. фон Зибольд. Несмотря на прозвучавшее в статье А.П. Кондратенко и М.М. Прокофьева утверждение о приведенном Зибольдом «большом материале по айнским знакам домашнего имущества, оружия и собственности» [9, с. 119], в статье ученого им посвящено лишь пять предложений: «У айнов есть привычка помечать всю их домашнюю утварь различными знаками собственности. Знаки образованы кривыми и прямыми линиями. Этими знаками могут быть помечены срубленные в лесу деревья. Наконечники стрел всегда имеют знак собственности. В случае спора об имущественной принадлежности, эти знаки служат основанием для принятия решения». Здесь же опубликована и таблица отдельных изображений знаков собственности с подписью: «Таблица II. 3. Знаки айнов для обозначения домашних предметов, оружия, прочего имущества» [30, р. 19]. Больше никаких комментариев относительно этих знаков Г. фон Зибольд не дал.

Однако эта публикация вызвала полемику в научных кругах. Так, востоковед Т. де Лакупери, изучив работы Г. фон Зибольда и ссылаясь на работы Б. Шойбе и Б.Х. Чемберлена, заявлял, что некоторые знаки собственности, а также отдельные узоры татуировок айнов напоминают ему знаки корейской письменности онмун, с которой айны якобы были знакомы уже с конца пятого века (499 г. н.э.). Кроме того, по мнению исследователя, некоторые знаки были похожи на японские символы я-дзируси [23, р. 439–440; 24, р. 463–464]. Чемберлен, в свою очередь, утверждал, что знаки собственности айнов – это не что иное, как отдельные заим-

Рис. 3. Итурупские надписи на камнях. Плита № 6 (НА МАЭ РАН)

Рис. 4. Итурупские надписи на камнях. Плита № 9 (НА МАЭ РАН)

ствования частично из слоговой азбуки кана, частично – из китайской иероглифики, а частично придуманные айнами по определенному случаю идеографические знаки [20, р. 54]. Такие знаки или символы обозначали принадлежность вещи определенному хозяину и только. В более поздней своей работе Т. де Лакупери, ссылаясь на обнаруженные в заливе Отуранай петроглифы (пещеры Тэмия), отметил отсутствие какого-либо их совпадения с корейским письмом и высказал предположение об их близости к центральноазиатским или сибирским петроглифам [24, р. 465]. В начале XX в. таблица с пиктограммами появилась в книге французского антрополога Ж. Монтандона и тоже с очень кратким пояснением.

В свою очередь, Цубои Сёгоро проанализировал знаки, изображенные на старинных айнских вещах из разных районов Хоккайдо, и составил таблицу наиболее употребительных, отметив, что некоторые все еще использовались и в XIX в. [16, р. 281]. Вслед за Цубои на эту же тему в следующем номере журнала Токийского антропологического общества высказался Сёдзи Хейкити. Он не только привел зарисовки знаков, обнаруженных им на вещах, но и упомянул пиктограммы пещеры Тэмия, подтвердив их принадлежность айнам [15, р. 24–25]. Тем не менее, ни один из авторов не связывал упомянутые знаки с айнской письменностью.

В 1942 г. увидела свет работа Ф. Мараини «Икупасуй айнов», в которой автор посвятил знакам итокпа (сирози) целый раздел под заглавием «Образцы айнских символов». Он дал им подробнейшую характеристику, приведя примеры зарисованных им знаков, но при этом говорил о них только как о первоначальных пиктограммах, не рассматривая их в качестве свидетельства наличия у айнов письменности [25, р. 15–24]. В работе О. Баба по поводу сирози сказано следующее: «Сирози, нанесенные на нижнюю часть икуниси, <...> являются знаками собственности. Айны приводят две причины нанесения сирози: дать возможность богам узнать личность, возносящую им молитву, и для того, чтобы не потерять икуниси среди других таких же во время большого праздника» [17, р. 33]. Б.О. Пилсудский, рассуждая о знаках, которыми айны-охотники помечали свои стрелы, писал, что они являлись наследственными и переходили от отца к сыну, но при этом знак сына мог отличаться от отцовского: к нему могла быть добавлена черточка или точка и это уже

было новое изображение. Знак собственности удачливого охотника можно было купить, если же охотник долгое время не мог добыть зверя, то от стрел с такими знаками избавлялись, произнося молитву: «...Существо-знак, не сердись, когда ты отправишься к богам, тебе там будет хорошо. Жди там, мы тебя просим, иди туда с миром» [13, с. 209–211]. Б.О. Пилсудский также не связывал знаки собственности с протописьменностью.

Однако, вслед за Дж. Милном, отдельным исследователям (А.П. Кондратенко, В.В. Подмаскин) хотелось видеть в знаках собственности и в пиктограммах на стенах пещер подобие древнегерманского письма, именуемого рунами. В их работах можно встретить упоминание о пиктограммах как о «рунических надписях» [9, с. 126–128; 14, с. 133]. При этом ни в работах Ф. Мараини и О. Баба, ни в статье Б.О. Пилсудского сирози рунами не называются. Более того, айнские знаки собственности, в отличие от древнегерманских рун, так и не стали письмом, о чем речь пойдет ниже, поэтому вести о них речь как о «рунах» вряд ли уместно.

Рассуждая об архаичных знаках искусства и пиктографии, один из основателей отечественной школы семиотики Вячеслав Всеволодович Иванов писал, что исследователь, изучая первобытное искусство, обычно имеет дело с различными по характеру и хронологии данными. Он допускал, что многие изображения на древних памятниках не что иное, как иконические (изобразительные) знаки, например, изображения животных [5, с. 105, 107]. Это наглядно продемонстрировано в работах Ф. Мараини и О. Баба на примере превращения изображения касатки и медведя в такие иконические знаки. Вслед за Ч. Пирсом знаками-указателями названы Ивановым изображения следов животных и человека, что наблюдается в зарисованных Б.О. Пилсудским пиктограммах. Эти знаки, полагал ученый, можно считать лишь предвестниками возникновения иероглифического письма [5, с. 107].

Ю.В. Кнорозов подчеркивал, что основной единицей пиктографического письма является сцена, передающая определенную ситуацию, которую возможно передать неопределенным, но конечным количеством фраз. Ярче всего это проявилось в пиктографических композициях на икуниси/икупасуй айнов, когда передача сообщения наблюдателем происходила путем копирования увиденного или воображаемого.

Внимательно изучив, сопоставив и сравнив изображения на камнях, ритуальных предметах и на различной утвари, используя данные этнографии и мифологические тексты, ученый попытался определить значение этих знаков [7, с. 230]. Он идентифицировал знаки как возможные изображения змей, касаток, летящей птицы и сцены охоты на тюленя [8, с. 274], что полностью согласовывалось со взглядами на эти знаки Ф. Мараини, О. Баба и Б.О. Пилсудского. Кроме того, Ю.В. Кнорозов нашел определенные сходства в сюжетах изображений и на ритуальных предметах народов Нижнего Амура, но о том, что эти знаки – элементы письменности, речь в его работах не шла.

Казалось, что после двух столетий научных изысканий и споров по поводу наличия или отсутствия айнской письменности, появилась определенность в этом вопросе – пиктограммы и иконические знаки есть, но письменность у айнов как таковая сформироваться не успела. Несмотря на обилие работ об айнских пиктограммах с зарисовками и подробными характеристиками знаков, в отечественной печати в XXI в. появляются статьи, в которых тема айнской письменности занимает центральное место. Так, в журнале «Краеведческий бюллетень» Сахалинского областного краеведческого музея была опубликована статья А.П. Кондратенко и М.М. Прокофьева «Протописьменность у древних айнов: миф или реальность?». А.П. Кондратенко уже обращался к теме айнской письменности, затронув этот вопрос в своей диссертации в 1990 г. и взяв за основу для рассмотрения орнамент на керамических табличках из Кибэ провинции Этидзэн и налепные ручки вазы стиля кацудзака эпохи среднего дзёмона. Этот же материал рассматривается в представленной авторами работе.

В начале статьи авторы лишь намекнули на «предопределенные всем ходом предшествующих эпох» имеющиеся «необходимые предпосылки» появления письменности у айнов, но что это за предпосылки, они так и не уточнили. Затем в качестве доказательства существования письменности у древних айнов, как и в работе 1990 г., были приведены, во-первых, орнаментальные композиции на табличках из Кибэ (начальный-средний дзёмон). Уже на этом этапе авторы допускают неточности в описании. Так, увиденные ими сочетания символов, напоминавшие, по их мнению, латинскую букву U, были заключены в картуши «в виде пря-

моугольника с закругленными краями». Судя по описанию, это овал – характерная форма картуша, но в статье этот элемент именуется «картуш-прямоугольник», в который вписаны подковообразные и параболические знаки и сетчатая штриховка. По мнению авторов, эти изображения обозначают айнское мистическое число 6. На обратной стороне таблички они увидели изображение двух личин с плавными очертаниями. Но если бы авторы внимательно изучили цитируемые ими знаки из таблиц Г. фон Зибольда, Ф. Мараини, О. Баба, Б.О. Пилсудского, то наверняка заметили бы геометрические, но никак не округлые или подковообразные формы айнских пиктограмм. Далее в статье проводятся аналогии с пиктограммами долины реки Хуанхэ, «глазчатым орнаментом» индейцев Северной Америки и иероглифами майя. В результате проведенных аналогий авторы приходят к довольно смелому выводу, о том, что древние айны, северо-западные индейцы и майя «использовали абстрактно-символические формы, восходящие к архаичному северо-азиатскому шаманизму». Если учесть, что шаманизм у айнов уже в исторические времена значительно отличался от северо-азиатской его разновидности, то такое замечание выглядит не совсем уместным. При этом основных единиц пиктограммы по Ю.В. Кнорозову – сцен с какой-либо ситуацией – в изображениях на табличках Кибэ не обнаруживается. И здесь необходимо обратить внимание на то, что большая часть знаков, согласно представленным описаниям, имеют или стремятся иметь округлые формы, что для айнской пиктографии не характерно, о чем уже упоминалось выше.

Далее в качестве примера имевшейся в древности айнской письменности авторами был взят сосуд стиля кацудзака (средний дзёмон), чьей отличительной чертой являлся пышный декор. Здесь доказательства строились на зарисовках ручек-налепов на сосуде. Авторы, применив различные методики (Г. Ноймана, О. Рёсслера), попытались выделить основные графические элементы изображений налепов. В попытке обнаружить их структурные взаимосвязи с символами с табличек Кибэ они преобразовали полученные изображения в пиктограммы. И такие взаимосвязи авторами были обнаружены – в качестве доказательства фигурировали все те же символы, напоминающие латинскую букву U. Далее вновь проведены широкие аналогии с пиктограммами соседствующих племен. Од-

нако при этом авторы почему-то не упоминают о том, что, рассуждая о керамике дзёмон, археологи и антропологи (Т. Кобаяси, Х. Бефу, Ч. Чард, М. Килли, В. Морлан, М.В. Воробьев, Н.А. Иофан и др.) избегают приписывать авторство ее образцов какому-то определенному племени или народу, будь то древние айны или древние японцы, именуя проживавших в этот период насельников «людьми эпохи дзёмон». Почему авторы статьи взяли именно эти образцы керамики и почему решили, что они были изготовлены именно древними айнами, – не совсем понятно, так как пояснения по этому поводу в статье отсутствуют.

В конце статьи затронут вопрос о петроглифах пещеры Тэмия, при этом пиктограммы Фугоппэ авторами не рассматривались. Здесь анализировались мнения ученых прошлого, ничего нового по поводу расшифровки пиктограмм сказано не было. Кроме того, изображения были обозначены авторами как «руны». Но рунами именовались геометрические по форме пиктограммы, которые скорее напоминают айнские знаки собственности, но никак не зооморфные и антропоморфные изображения из пещер. Неясности возникли у авторов и с определением исторических периодов нанесения пиктограмм древними насельниками – вначале они отнесли их к древнеайнским, созданным в доисторические времена, а затем к II тыс. н.э., то есть к историческому периоду. Заданный в начале статьи вопрос о том, является ли айнская письменность мифом или реальностью, так и остался без ответа. Авторы пришли к выводу, что «необходимы дополнительные более углубленные исследования, с использованием всей накопленной за время изучения айнов научной информации» [9, с. 101–128].

Эта статья дала толчок к развитию темы, и в 2006 г. появилась работа А.Ю. Акулова с многообещающим и не предполагающим иной трактовки названием «У айну была письменность», что предвещало открытие в этой области. Однако научного анализа, опирающегося на имеющиеся по данному вопросу работы отечественных и зарубежных лингвистов, этнографов и археологов, в статье не обнаружено. Есть обширное цитирование отдельных фрагментов довольно спорной работы А.П. Кондратенко и М.М. Прокофьева, упомянутой выше, ссылка на собственный доклад на студенческой конференции и скупое упоминание работы о пиктографи-

ческих надписях Ю.В. Кнорозова, А.В. Спевковскового, Ч.М. Таксами.

Справедливой и обоснованной критике подверг выводы, к которым пришел А.Ю. Акулов, кандидат исторических наук В.Д. Косарев, приведя в своей статье «Символ-язык-знак-письмо (в связи с проблемой гипотетической письменности айнов)» доказательства ошибочности большинства положений статьи вышеназванного автора. Прежде всего, у В.Д. Косарева вызвало удивление данное А.Ю. Акуловым определение письменности как системы, «фиксирующей звуки речи», а также предложенный им «полевой» метод «отличения письменности от неписьменности», при котором исследователю необходимо дать прочесть увиденные пиктограммы носителям языка, на территории проживания которых обнаружены изображения, и записать произносимые людьми фразы. В случае, если «будет получена одинаковая последовательность звуков, сопоставимая с числом графических знаков», пиктограммы можно считать письменностью. В.Д. Косарев указал на явные ошибки или заблуждения автора в обоих утверждениях: во-первых, не всегда для исторических систем письма характерна письменность фонематического типа, где письменностью объявляется то, что передает звук; во-вторых, обнаруженные на определенной территории петроглифы необязательно принадлежат тому народу, который проживает сегодня в данной местности, кроме того, вряд ли кто-нибудь из современных людей сможет с легкостью прочесть выбитые на скалах пиктограммы. Ничем не обоснованным и даже противоречащим выводам самого А.Ю. Акулова видится его заявление о том, что письменностью можно считать совокупность упорядоченных и неритмически повторяющихся знаков. Причем, по мнению автора, не удовлетворяющие этому критерию пиктограммы пещер Тэмия и Фугоппэ письменностью не являются, тогда как орнаментальные композиции табличек из Кибэ и приведенных А.П. Кондратенко и М.М. Прокофьевым петроглифов на маске из Нагано письменностью считать можно, и это несмотря на то, что на них «упорядоченности и неритмически повторяющихся знаков» не наблюдается. Неверными нашел В.Д. Косарев и антропологические выводы, прозвучавшие в статье А.Ю. Акулова [10, с. 326–331].

В дополнение можно отметить, что в результате своего исследования автор пришел к сле-

дующему выводу: «...Если в дальнейшем подтвердится, что хотя бы одна из письменностей: письменность Нагано или письменность Кибэ действительно некогда обслуживала язык айну, и является не заимствованной, а изобретенной непосредственно айну, то подобный факт самым серьезным образом изменит общераспространенные представления о культуре айну, как о культуре примитивной и бесписьменной» [1, с. 182]. Здесь невольно создается впечатление, что автор сам не очень верит в существование айнской письменности, приводя в пример всего лишь высказанную Кондратенко и Прокофьевым гипотезу.

Если бы авторы указанных работ, обсуждавшие вопрос о наличии в древности письменности у айнов, действительно обратились, по их собственному выражению, «ко всей накопленной научной информации» по данной проблеме, то их выводы претерпели бы значительные изменения. Дело в том, что в работе А.П. Кондратенко и М.М. Прокофьева по большей части цитировались научные изыскания зарубежных исследователей конца XIX – начала XX вв. и без всякого внимания оказались труды Ю.В. Кнорозова, посвятившего почти десять лет изучению айнской письменности.

Уже в начале 1990-х гг. ученый писал о том, что письмо в виде пиктографии (рисунчатого письма), включающего более ранние записи движений (кинеграфии), появилось конвергентно у всех племен в верхнем палеолите. Со временем такое письмо усовершенствовалось, пройдя три основные фазы: вначале это были разрозненные или изолированные изображения (I фаза), затем изображения становятся масштабными (II фаза) и, наконец, переходят в сюжетные композиции, включающие ряд сцен (III фаза). Проанализировав пиктограммы на посуде, палочках икуниси/икупасуй, надмогильных столбах, инау и каменных плитах, Ю.В. Кнорозов пришел к выводу, что пиктография айнов относится к III фазе, с сохранением первых двух, и входит (как и эскимосская) в межплеменную пиктографию ареала охотников на морского зверя.

После своих многочисленных поездок на Итуруп и тщательной проработки полученного материала Ю.В. Кнорозов заметил, что за некоторыми знаками, например, обозначающими род или личное имя, изображающими следы медведя, некоторых птиц, счетные знаки было закреплено определенное чтение. Уче-

ный определил и основные черты пиктографии айнов. По его мнению, она характеризуется «резкой геометризацией знаков с избеганием кривых линий». Лишенные декоративных элементов, айнские пиктограммы содержат только информацию, а отдельные знаки могут быть понятны только в определенной сцене, что полностью согласуется с мнением О. Баба и Б.О. Пилсудского, которые пришли к таким же выводам, изучая пиктографические знаки на икуниси/икупасуй сахалинских айнов [8, с. 277; 17, р. 35]. Эта характеристика айнских пиктограмм не согласуется с представленными А.П. Кондратенко и М.М. Прокофьевым доказательствами, основанными на анализе изображений с табличек Кибэ и керамики кацудзаки, на которых имеются несвойственные айнской пиктографии округлые, овальные и полуовальные пиктограммы. Стоит еще раз подчеркнуть, что изученный корпус пиктограмм Ю.В. Кнорозов трактовал не как образцы письменности, а как прорисовки сцен из жизни айнов, в частности – их промысловой деятельности, как обозначения отдельных божеств, стихий, природных объектов.

Об айнской письменности Ю.В. Кнорозов, признанный специалист в дешифровке древних систем письма, высказался так: «Вопрос о наличии у айнов письма (иногда обсуждаемый в научных статьях) не имеет смысла» (НА МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 1589. Л. 3–6). Ему вторил известный чешский лингвист, антрополог и историк Ч. Лоукотка, который, не отрицая того факта, что, например, пиктограммы для обозначения личной принадлежности предметов являлись «первой ступенью в развитии письма», тем не менее называл тех, кто видел в них «неизвестное письмо какого-то давно вымершего народа», фантазерами [11, с. 22–23].

Возможно, с развитием научной мысли, новыми открытиями в области археологии, антропологии и дешифровки древнего письма появятся какие-либо гипотезы, связанные с дешифровкой айнской пиктографии, но на данном этапе развития научной мысли утверждения о наличии письменности у древних айнов подтверждений, подкрепленных научными доказательствами, не находят.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акулов А.Ю. У айну была письменность // Вестник Сахалинского музея. 2006. № 13. С. 176–182.

2. Ватасэ Сёдзабуро. Саппоро кинбо: питто сонота косэки но кото (Ямы в районе Саппоро и другие исторические места) // *Anthropological Society Report*. 1886. Т. 1. № 1. С. 8–10.
3. Власов Г.М. Итурупские письма на камнях // *Вопросы географии Дальнего Востока*. Сборник IV. Хабаровск, 1960. С. 371–374.
4. Добротворский М.М. Айнско-русский словарь. Казань: Типография Казанского Университета, 1875.
5. Иванов Вяч.Вс. Об одном типе архаичных знаков искусства и пиктографии // *Ранние формы искусства: сборник статей*. М.: Искусство, 1972. С. 105–147.
6. Лаббэ П. Остров Сахалин. Путевые впечатления. М.: Издание М.В. Ключкина, 1904.
7. Кнорозов Ю.В., Спеваковский А.Б., Таксами Ч.М. Пиктографические надписи айнов // *Полевые исследования Института этнографии (1980–1981)*. М.: Наука, 1984. С. 226–233.
8. Кнорозов Ю.В., Соболева Е.С., Таксами Ч.М. Пиктографические надписи айнов // *Древние системы письма: этническая семиотика*. М.: Наука, 1986. С. 268–295.
9. Кондратенко А.П., Прокофьев М.М. Протописьменность у древних айнов: миф или реальность // *Краеведческий бюллетень*. 2005. № 2. С. 101–128.
10. Косарев В.Д. Символ-язык-знак-письмо (в связи с проблемой гипотетической письменности айнов) // *Известия Института наследия Бронислава Пилсудского*. 2007. № 11. С. 311–351.
11. Лоукотка Ч. Развитие письма. М.: Иностранная литература, 1950.
12. Осипова М.В. Минамото-но Ёсицунэ и самураи Мацумаэ: демоны или божества айнов (по материалам айнского фольклора) // *Этнографическое обозрение*. 2022. № 1. С. 198–212.
13. Пилсудский Б.О. Знаки собственности айнов // Пилсудский Б.О. *Айны Южного Сахалина (1902–1905 гг.)*. Южно-Сахалинск, 2007. С. 208–239.
14. Подмаскин В.В. Идеографический характер письма у айнов, палеоазиатов и тунгусо-маньчжуров // *Россия и АТР*. 2015. № 1. С. 127–145.
15. Сёдзи Хэйкити. Айно оёби Хоккайдо: но кодаймондзи (Древние знаки Хоккайдо и айнов) // *The Journal of the Anthropological Society of Tokyo*. 1887. Т. 3. № 20. С. 21–25.
16. Цубои Сёгоро. Хоккайдо шо чихо: ёри де детару кокибуцу-дзо: ни ару и карада модзи (Варианты символов на старинных предметах со всего Хоккайдо) // *The Journal of the Anthropological Society of Tokyo*. 1887. Т. 2. № 19. С. 280–281.
17. Baba, O. 1949. Iku-Nishi of the Saghalien Ainu. *The Journal of the Royal Anthropological Institute*, Vol. 79, no. 1–2, pp. 27–35.
18. Batchelor, J., 1901. *The Ainu and their folklore*. London: The Religious Tract Society.
19. Chamberlain, B.H., 1882. *The language, mythology, and geographical nomenclature of Japan viewed in the light of Aino studies*. Tokyo: Imperial University.
20. Chamberlain, B.H., 1887. On the quasi-characters called «Ya-Jirushi». *Transactions of the Asiatic Society of Japan*, Vol. 15, pp. 50–57.
21. Chamberlain, B.H., 1888. *Aino folk-tales*. London.
22. Dumoutier, G., 1896. Étude sur l'inscription de Tèmiya, dans l'Île de Yèzo. *L'Anthropologie*, Vol VII, no. 1, pp. 147–152.
23. Lacouperie, T., 1885. Beginnings of writing in and around Tibet. *The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*, Vol. 17, no. 3, pp. 415–482.
24. Lacouperie, T., 1892. On the Corean, Aïno and Fusang Writing. *T'oung Pao*, Vol. 3, no. 5, pp. 449–465.
25. Maraini, F., 1994. Айну но икупасуи (Икупасуй айнов). Сираой: Айну миндзоку хакубутсукан.
26. Miln, J., 1880. Notes on stone implements from Otaru and Hakodate, with a few general remarks on the prehistoric remains of Japan. *Transactions of the Asiatic Society of Japan*, Vol. 8, pp. 61–87.
27. Ogawa, M., 2014. Dating petroglyphs from Fugoppe Cave, Japan. *Arts*, Vol. 3, no. 1, pp. 46–53.
28. Ogawa, M., 2019. Rock art in Japan. In: Clottes, J. and Smith, B. eds., 2019. *Rock art in East Asia: a thematic study*. Charenton-le-Pont: ICOMOS, pp. 32–38.
29. Scheube, B. 1882. Die Ainos. *Mittheilungen der Deutschen Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens*, Vol. 3, no. 26, pp. 220–250.
30. Siebold, H., 1881. *Ethnologische Studien über die Aino auf der Insel Yesso*. Berlin: Verlag von Paul Parey.
31. Ushida, A., 1997. Conservation of the engraved rock wall in the Temiya Cave, Japan. In: Agnew, N. ed., 1997. *Conservation of ancient sites*

on the Silk Road: proceedings of an International conference on the conservation of grotto sites (October 3–8, 1993). Los Angeles: The Getty Conversation Institute, pp. 235–245.

REFERENCES

1. Akulov, A.Yu., 2006. U ainu byla pis'mennost' [The Ainu had a writing system], Vestnik Sakhalinskogo muzeya, no. 13, pp. 176–182. (in Russ.)
2. 渡瀬荘三郎, 1886. 札幌近傍ピット其他古跡ノ事 [Pits and other ancient ruins near Sapporo], Anthropological Society Report, Vol. 1, no. 1, pp. 8–10. (in Japanese)
3. Vlasov, G.M., 1960. Iturupskie pis'mena na kamnyakh [Iturup inscriptions on stones]. In: Voprosy geografii Dal'nego Vostoka. Sbornik IV. Khabarovsk, 1960, pp. 371–374. (in Russ.)
4. Dobrotvorskii, M.M., 1875. Ainsko-russkii slovar' [Ainu-Russian dictionary]. Kazan: Tipografiya Kazanskogo Universiteta. (in Russ.)
5. Ivanov, V.V., 1972. Ob odnom tipe arkhainykh znakov iskusstva i piktografii [On one type of archaic signs of art and pictography]. In: Rannie formy iskusstva: sbornik statei. Moskva: Iskusstvo, 1972, pp. 105–147. (in Russ.)
6. Labbe, P., 1904. Ostrov Sakhalin. Putevye vpechatleniya [Sakhalin island. Travel impressions]. Moskva: Izdanie M.V. Klyukina. (in Russ.)
7. Knorozov, Yu.V., Spevakovskii, A.B. and Taksami, Ch.M., 1984. Piktograficheskie nadpisi ainov [Pictographic inscriptions of the Ainu]. In: Polevye issledovaniia Instituta etnografii (1980–1981). Moskva: Nauka, 1984, pp. 226–233. (in Russ.)
8. Knorozov, Yu.V., Soboleva E.S. and Taksami, Ch.M., 1986. Piktograficheskie nadpisi ainov [Pictographic inscriptions of the Ainu]. In: Drevnie sistemy pis'ma: etnicheskaya semiotika. Moskva: Nauka, 1986, pp. 268–295. (in Russ.)
9. Kondratenko, A.P. and Prokofiev, M.M., 2005. Protapis'mennost' u drevnikh ainov: mif ili real'nost' [Proto-writing among the ancient Ainu: myth or reality], Kraevedcheskii byulleten', no. 2, pp. 101–128. (in Russ.)
10. Kosarev, V.D., 2007. Simvol-yazyk-znak-pis'mo (v svyazi s problemoi gipoteticheskoi pis'mennosti ainov) [Symbol-language-sign-writing (in connection with the problem of hypothetical writing system of the Ainu)], Izvestiya Instituta naslediya Bronislava Pilsudskogo, no. 11, pp. 311–351. (in Russ.)
11. Loukotka, Ch., 1950. Razvitie pis'ma [The development of writing]. Moskva: Inostrannaya literatura. (in Russ.)
12. Osipova, M.V., 2022. Minamoto-no Esitsune i samurai Matsumae: demony ili bozhestva ainov (po materialam ainskogo fol'klora) [Minamoto no Yoshitsune and the Matsumae samurai: demons or deities of the Ainu (studying the Ainu folklore)], Etnograficheskoe obozrenie, no. 1, pp. 198–212. (in Russ.)
13. Pilsudski, B.O., 2007. Znaki sobstvennosti ainov [Ainu property signs]. In: Pilsudski, B.O., 2007. Ainy Yuzhnogo Sakhalina (1902–1905 gg.). Yuzhno-Sakhalinsk, pp. 208–239. (in Russ.)
14. Podmaskin, V.V., 2015. Ideograficheskii kharakter pis'ma u ainov, paleoaziatov i tungusoman'chzhurov [The ideographic type of writing system among the Ainu, Paleo-Asiatic and Tunguso-Manchurian peoples], Rossiya i ATR, no. 1, pp. 127–145. (in Russ.)
15. 荘司平吉, 1887. アイノ及び北海道の古代文字 [Ancient characters of Hokkaido and the Ainu], The Journal of the Anthropological Society of Tokyo, Vol. 3, no. 20, pp. 21–25. (in Japanese)
16. 坪井正五郎, 1887. 北海道諸地方より出でたる古器物上に在る異躰文字 [Variants of symbols on antique items from around Hokkaido], The Journal of the Anthropological Society of Tokyo, Vol. 2, no. 19, pp. 280–281. (in Japanese.)
17. Baba, O. 1949. Iku-Nishi of the Saghalien Ainu. The Journal of the Royal Anthropological Institute, Vol. 79, no. 1–2, pp. 27–35.
18. Batchelor, J., 1901. The Ainu and their folklore. London: The Religious Tract Society.
19. Chamberlain, B.H., 1882. The language, mythology, and geographical nomenclature of Japan viewed in the light of Aino studies. Tokyo: Imperial University.
20. Chamberlain, B.H., 1887. On the quasi-characters called «Ya-Jirushi». Transactions of the Asiatic Society of Japan, Vol. 15, pp. 50–57.
21. Chamberlain, B.H., 1888. Aino folk-tales. London.
22. Dumoutier, G., 1896. Étude sur l'inscription de Tèmiya, dans l'île de Yèzo. L'Anthropologie, Vol VII, no. 1, pp. 147–152.
23. Lacouperie, T., 1885. Beginnings of writing in and around Tibet. The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, Vol. 17, no. 3, pp. 415–482.
24. Lacouperie, T., 1892. On the Corean, Aïno and Fusang Writing. T'oung Pao, Vol. 3, no. 5, pp. 449–465.

25. Maraini, F., 1994. アイヌのイクパスイ [Ainu Ikupasuy]. 白老町: 財団法人 アイヌ民族博物館. (in Japanese)
26. Miln, J., 1880. Notes on stone implements from Otaru and Hakodate, with a few general remarks on the prehistoric remains of Japan. Transactions of the Asiatic Society of Japan, Vol. 8, pp. 61–87.
27. Ogawa, M., 2014. Dating petroglyphs from Fugoppe Cave, Japan. Arts, Vol. 3, no. 1, pp. 46–53.
28. Ogawa, M., 2019. Rock art in Japan. In: Clottes, J. and Smith, B. eds., 2019. Rock art in East Asia: a thematic study. Charenton-le-Pont: ICOMOS, pp. 32–38.
29. Scheube, B. 1882. Die Ainos. Mittheilungen der Deutschen Gesellschaft für Natur-und Völkerkunde Ostasiens, Vol. 3, no. 26, pp. 220–250.
30. Siebold, H., 1881. Ethnologische Studien über die Aino auf der Insel Yesso. Berlin: Verlag von Paul Parey.
31. Ushida, A., 1997. Conservation of the engraved rock wall in the Temiya Cave, Japan. In: Agnew, N. ed., 1997. Conservation of ancient sites on the Silk Road: proceedings of an International conference on the conservation of grotto sites (October 3–8, 1993). Los Angeles: The Getty Conversation Institute, pp. 235–245.